

A comic book illustration of three men in a library. The man in the center, wearing a suit and tie, is shouting and gesturing aggressively towards the other two men. The man on the left is also shouting and gesturing back. The man on the right is leaning forward, looking intense. They are in a room with tall bookshelves filled with books. There are two lamps on the shelves, one on the left and one on the right. The room has a wooden floor and a doorway in the background.

Александр Восьмой

Прихоть 1 Особняк на миллион улыбок

18+

Александр Восьмой Прихоть 1 Особняк на миллион улыбок

<https://litres.ru/74591092>

SelfPub; 2026

Аннотация

Старинный особняк размером с квартал переходит по наследству к трём братьям, которые терпеть друг друга не могут. Но дом имеет особенность: он не даёт никому быть мрачным — стены шепчут анекдоты, картины подмигивают, а библиотека выдаёт только книги с хеппи-эндом. Комичная борьба за наследство превращается в марафон улыбок.

Александр Восьмой Прихоть 1 Особняк на миллион улыбок

Глава 1. Наследство с подтекстом

Нотариус Ойрах Фёдорович Штиль, человек, который, кажется, родился с томиком «Правил хорошего тона» в руках, а к пятидесяти годам довёл привычку смахивать пыль со словарей до уровня боевого искусства, торжественно зачитывал завещание дядюшки Пантелеймона Пантелеймоновича. Его голос звучал так, будто каждое слово он сначала пробовал на вкус, убеждался, что оно не горчит, и только потом выпускал в воздух.

Перед ним, выстроившись в неровную линию, стояли трое наследников — будто три стихии, которым категорически не положено находиться в одной комнате. Вадим, мастер продавать «уникальные» кредиты даже тем, кто пришёл за советом, как не брать кредиты, нервно поправлял галстук, будто тот был единственным якорем в этом шторме судьбы. Аркадий, тренер по осознанному злословию (он сам так себя называл, и спорить с ним было себе дороже), смотрел на нотариуса с таким выражением, словно мысленно составлял список из ста способов улучшить его дикцию. А Жора, фокусник, чьи фокусы срабатывали примерно в половине случа-

ев, а в другой половине превращались в драму с элементами неожиданности, пытался незаметно спрятать в карман статуэтку со стола — просто чтобы руки не дрожали.

— «...Особняк „Улыбающийся Флюгер“, расположенный по адресу, который я не стану зачитывать вслух, ибо он состоит из семнадцати слов и трёх восклицательных знаков, переходит в совместное владение Вадима, Аркадия и Жоры, — чеканил Ойрах Фёдорович, не отрывая взгляда от пожелтевшего листа. — При условии, что все трое проживут в нём совместно не менее одного календарного года. В случае нарушения условия — дом переходит в собственность городского музея как памятник архитектуры с сомнительной репутацией».

Тишина повисла в кабинете, густая и липкая, как переваренный кисель. Потом Вадим кашлянул. Аркадий прищурился. Жора уронил статуэтку.

— Простите, — пробормотал он, наклоняясь за ней. — Это не то, что вы подумали.

— Я подумал ровно то, что увидел, — сухо отозвался Аркадий, не сводя с него взгляда. — Ты уже начал делить наследство.

— Это рефлекс! — возмутился Жора. — У меня всё на рефлексах. Даже совесть.

Вадим тем временем пытался сложить услышанное в логическую цепочку, но цепочка упорно распадалась на отдельные слова: «совместно», «год», «братья». Особенно послед-

нее.

— То есть... мы должны жить там... все трое? — уточнил он, будто если произнести это вслух, формулировка вдруг станет мягче.

— Именно так, — подтвердил Ойрах Фёдорович, аккуратно закрывая папку. — И да, я вижу ваши лица. Дядюшка Пантелеймон Пантелеймонович был человеком с чувством юмора. И с очень специфическим представлением о семейном единстве.

Братья переглянулись. В этом взгляде уместилось всё: годы взаимных подколов, забытые дни рождения, спор из-за последнего куска пирога на поминках бабушки, который до сих пор отзывался в душе ноющей обидой.

— Ладно, — буркнул Вадим, первым нарушая молчание. — Год — это триста шестьдесят пять дней. Мы просто не будем друг другу мешать. Разделим дом на зоны. Я возьму восточное крыло, Аркадий — северное, Жора... пусть берёт что останется.

— Восточное крыло? — фыркнул Аркадий. — Там окна выходят на мусорные баки. Ты хочешь жить с видом на отходы?

— Зато там тихо! — парировал Вадим.

— Тихо? — Жора хихикнул, нервно потирая ладони. — Да в этом доме даже тишина будет с комментариями. Вы видели этот флюгер? Он мне подмигнул, когда я входил.

И правда, когда они вышли на улицу, флюгер на крыше

особняка, изогнутый в форме ухмыляющегося кота, слегка повернулся, будто и правда подмигивал: «Развлекайтесь, господа».

Особняк «Улыбающийся Флюгер» возвышался перед ними, занимая целый квартал, словно город в миниатюре. Его стены, покрытые причудливой лепниной, казались живыми — то ли от игры теней, то ли оттого, что дом и правда дышал. Окна поблескивали, будто подмигивали. Даже воздух вокруг был каким-то... весёлым. Слишком весёлым для троих людей, которые едва терпели присутствие друг друга.

Они подъехали к дому в одну и ту же ночь — каждый по своему тайному плану. Вадим собирался первым осмотреть дом, зафиксировать состояние имущества и, возможно, незаметно установить камеры наблюдения. Аркадий хотел составить список потенциальных нарушений, чтобы потом использовать их как рычаг давления. Жора просто надеялся, что если он войдёт первым, то сможет выбрать самую маленькую комнату и притвориться, что его тут нет.

Но судьба, видимо, тоже обладала чувством юмора. Все трое появились у парадного входа ровно в полночь, когда луна висела над крышей, как прожектор, высвечивая каждую трещину в фасаде.

— Ты что тут делаешь? — рявкнул Аркадий, увидев Вадима.

— Живу, — невозмутимо ответил Вадим, хотя сам ещё не успел поверить в это. — А ты?

— Провожу инспекцию, — процедил Аркадий.

Жора, который как раз пытался бесшумно проскользнуть мимо, споткнулся о собственную ногу и врезался в колонну.

— И я... тоже, — выдохнул он, потирая лоб. — В смысле, я тоже тут по делу.

Дверь особняка распахнулась сама по себе, с театральным скрипом, будто дом приветствовал гостей. На пороге никого не было, но в воздухе витало ощущение, что за ними наблюдают. И не просто наблюдают — оценивают.

Первым вошёл Вадим. За ним, не желая уступать ни на шаг, скользнул Аркадий. Жора, помявшись секунду, шмыгнул следом, словно боялся, что дверь захлопнется у него перед носом.

Внутри пахло старой бумагой, ванилью и чем-то неуловимо... оптимистичным. Коридор уходил вдаль, теряясь в полумраке, но стоило им сделать шаг, как светильники на стенах вспыхнули один за другим, будто дом щёлкал выключателями, радуясь гостям.

— Странно, — пробормотал Вадим, оглядываясь. — Тут как будто... веселее, чем должно быть.

Словно в ответ на его слова, со стены тихо шепнул портрет дамы в пышном платье: «А вы улыбнитесь! Сразу станет легче!»

Все трое замерли.

— Вы это слышали? — прошептал Жора.

— Слышали, — кивнул Вадим, стараясь сохранять хлад-

нокровие. — Это, наверное, вентиляция. Или акустика.

Аркадий хмыкнул:

— Или дядюшка Пантелеймон решил напоследок посмеяться над нами.

Тем временем библиотека, в которую они случайно свернули, встретила их особым гостеприимством. Стоило Жоре протянуть руку к полке, как одна из книг сама выскользнула и приземлилась ему прямо в ладони. Название гласило: «Как превратить вражду в дружбу за 30 дней». На обложке улыбался человек, который явно никогда не жил с братьями.

— Отлично, — буркнул Аркадий, глядя на книгу. — Теперь у нас есть руководство.

— Может, не будем его читать? — предложил Жора, осторожно кладя книгу обратно. — Вдруг она заразна.

Но стоило ему убрать руку, как книга снова прыгнула к нему.

— Похоже, дом не принимает отказов, — заметил Вадим, глядя на это с мрачной обречённостью.

В этот момент из глубины коридора донёсся тихий, но отчётливый шёпот: «А расскажите анекдот! Я так давно не смеялся...»

Братья переглянулись. В их взглядах читалось одно и то же: «Мы попали». Но дом, казалось, был с этим категорически не согласен. Он хотел, чтобы они смеялись. Хотел, чтобы они улыбались. Хотел, чтобы даже самая горькая обида рассыпалась в хохот.

И, судя по всему, он был готов приложить к этому все свои стены, картины и книги.

Так начался их год в «Улыбающемся Флюгере» — год, когда даже самое серьёзное лицо обязано было хотя бы раз в час расплываться в улыбке, а самая язвительная реплика неизбежно оборачивалась шуткой. Дом не позволял быть мрачными. И, возможно, именно в этом и заключался главный подвох дядюшкиного наследства: не в квадратных метрах и лепнине, а в том, чтобы заставить троих людей, которые терпеть друг друга не могут, снова научиться смеяться — пусть даже над собой.

Глава 2. Стены, которые шепчут

Первая ночь в «Улыбающемся Флюгере» началась с того, что дом решил не терять времени даром. Едва братья разошлись по своим комнатам (Вадим — в восточное крыло, Аркадий — в северное, Жора — в ту часть дома, которую он мысленно окрестил «зоной минимального конфликта»), как особняк тихо, но решительно взял управление бытом в свои невидимые руки.

Чашки на столиках в комнатах сами собой наполнились чаем — густым, ароматным, с нотками мёда и какого-то необъяснимого оптимизма. Вадим, привыкший к кофе из автомата и подозрительным напиткам на переговорах, осторожно понюхал содержимое.

— Это точно не яд? — пробормотал он, глядя на чашку

так, будто она могла в любой момент начать читать ему лекцию о финансовой грамотности.

Но чай не отвечал. Он просто дымился и выглядел до неприличия дружелюбно. Вадим вздохнул и сделал глоток. И тут же почувствовал, как внутри что-то... расслабилось. Не то чтобы он вдруг полюбил братьев — нет, до этого было далеко. Но мысль «а может, мы как-нибудь договоримся» перестала казаться абсурдной.

Тем временем в своей комнате Аркадий пытался сосредоточиться на составлении списка «потенциальных нарушений условий проживания», который планировал использовать как рычаг давления. Но стоило ему взяться за ручку, как из шкафа мягко выплыл пушистый тапочек и приземлился ему прямо на колено.

— Что за... — начал Аркадий, но тут же осекся, потому что тапочек, казалось, подмигнул ему. Не буквально, конечно, но угол его ворса сложился в такую форму, что выглядело это до обидного жизнерадостно.

Аркадий фыркнул, надел тапки и тут же понял, что теперь ему хочется... улыбаться. Не широко, не радостно, а так, слегка — будто он только что услышал неплохую шутку, но не хочет показывать, что она его зацепила.

А в своей крошечной, но уютной комнате Жора вообще не успел ничего подумать. Дом решил действовать радикально. Стоило ему присесть на кровать, как из-под подушки вынырнула маленькая фарфоровая чашка, звякнула, словно чока-

ясь с невидимым собеседником, и наполнилась чаем.

— Ладно, ладно, — сдался Жора, поднимая чашку. — Я понял. Ты хочешь, чтобы я был счастлив. Но давай без фанатизма, а?

И тут стены заговорили.

Сначала это был тихий шёпот, похожий на шум ветра в старых трубах. Потом — отдельные фразы. Потом — анекдоты.

«А помните, Аркадий, как вы на свадьбе брата перепутали бокалы и произнесли тост за здоровье тёщи, хотя тёщи ещё даже не было?»

Аркадий замер с ручкой в руке. Его лицо медленно, но верно приобретало оттенок спелого помидора.

«Или как Вадим пытался продать кредит собственному дедушке, а дедушка сказал: „Я и так у банка в долгу перед историей“?»

Вадим поперхнулся чаем.

«А Жора... ну, про Жору лучше не будем. Хотя нет, будем! Помните, как он пытался сделать фокус с исчезновением кота, а кот исчез... и не вернулся три дня?»

Жора уронил чашку. К счастью, она не разбилась — дом явно следил за безопасностью. Но Жора этого не заметил. Он сидел, уставившись в стену, и пытался понять, как вообще возможно, чтобы дом знал такие вещи.

Братья не сговариваясь вышли в коридор — каждый по отдельности, каждый делая вид, что просто проверяет, не

скрипят ли половицы. Но все трое оказались у одной и той же ниши в стене, будто притянутые невидимой силой.

И там, в полумраке, стены шептали им один и тот же анекдот — про то, как они в детстве пытались построить шалаш из старых штор, а мама сказала: «Ну, хоть дизайн современный».

И вдруг — все трое рассмеялись. Громко, искренне, так, как не смеялись уже лет десять. А потом тут же замолчали и сделали вид, что кашляют.

— Это не смех, — буркнул Вадим, отводя взгляд. — Это аллергия на пыль.

— На пыль? — фыркнул Аркадий. — В доме, который сам себя убирает?

— Ну... на оптимизм, — не сдавался Вадим. — У меня на него аллергия.

Жора хихикнул, но тут же прикрыл рот рукой.

— Я не смеялся, — заявил он. — Это был... нервный тик.

Дом, казалось, тихо посмеивался в ответ. Картины на стенах едва заметно подмигивали. Одна из них — портрет сурового мужчины в камзоле — вдруг чуть склонил голову и прошептал: «А расскажите ещё что-нибудь. Я сто лет не слышал хорошего анекдота».

Библиотека, будто почувствовав момент, распахнула одну из полок, и оттуда вылетела книга — «Сто лучших анекдотов для семейного ужина». Она приземлилась прямо в руки Аркадию, который тут же попытался её вернуть. Но полка не

принимала возвратов. Книга снова вылетела. И снова.

— Похоже, у нас тут принудительная программа по улучшению настроения, — мрачно констатировал Вадим.

— И она работает, — признал Аркадий, неохотно улыбаясь. — Проклятие.

Жора тем временем обнаружил, что тапочки, которые он надел, теперь мягко подталкивают его к центру холла — туда, где стоял старинный сундук с надписью «Для семейных историй».

— Дом хочет, чтобы мы вспоминали, — тихо сказал Жора. — Не плохое. А... всякое.

Вадим посмотрел на него, потом на Аркадия. И вдруг понял, что впервые за долгое время не чувствует желания спорить.

— Ладно, — вздохнул он. — Один анекдот. Но только один. И чтобы без личных подробностей.

— Согласен, — кивнул Аркадий. — Но пусть начинает Жора. У него всегда были самые нелепые истории.

Жора закатил глаза, но в его взгляде мелькнуло что-то тёплое.

— Хорошо, — сказал он. — Жил-был один фокусник...

И дом, затаив дыхание, слушал. Потому что знал: первый рассказанный вместе анекдот — это уже маленькая победа. А для «Улыбающегося Флюгера» именно в этом и был смысл наследства: не в стенах и лепнине, а в том, чтобы заставить троих людей, которые терпеть друг друга не могут, снова на-

учиться сидеть рядом и смеяться — пусть даже над собственной неловкостью.

Глава 3. Библиотека счастливых концов

Аркадий всегда считал, что хорошая книга обязана оставлять в душе лёгкий привкус горечи — как послевкусие дорогого, но слишком крепкого кофе. Поэтому, когда он впервые переступил порог библиотеки дядюшки Пантелеймона Пантелеймоновича, его лицо выражало не столько любопытство, сколько профессиональную настороженность. Он вошёл туда, как в поле боя: спина прямая, взгляд цепкий, готовность к интеллектуальному противостоянию — максимальная.

Библиотека занимала целый зал, и полки в ней тянулись вверх, теряясь в полумраке под самым потолком. Воздух здесь пах старой бумагой, чернилами и чем-то едва уловимо... довольным. Будто книги сами по себе были счастливы просто существовать.

Аркадий потянулся к полке с классикой — рука сама легла на потрёпанный томик Достоевского. Но не успел он даже прочитать название, как книга мягко выскользнула из-под пальцев и, будто живая, перелетела на другую сторону полки. На её место тут же скользнула другая — «Три мушкетёра», но с подозрительно яркой, почти праздничной обложкой.

Он открыл её наугад.

«...И тогда д'Артаньян предложил всем вместе открыть сеть пекарен „Четыре друга“, и дела пошли так хорошо, что

даже кардинал Ришелье заходил за круассанами по четвергам. Все были счастливы, и даже миледи однажды улыбнулась — правда, тут же испугалась собственного выражения лица и снова стала строгой, но уже не злой».

Аркадий моргнул. Потом закрыл книгу. Потом снова открыл — будто надеялся, что текст сам собой перестроится в привычную драму. Но нет. Финал оставался до обидного солнечным.

— Это издевательство, — пробормотал он, ставя книгу на место. — Это преступление против литературы.

Но стоило ему убрать руку, как том снова оказался у него в ладони — будто просился остаться.

— Я не буду это читать, — твёрдо сказал Аркадий, обращаясь скорее к полке, чем к книге. — Я ценю трагедию. Я уважаю конфликт. Мне нужен надлом!

Полка тихо скрипнула — не то сочувственно, не то снисходительно.

В этот момент из дальнего угла донёсся голос Вадима:

— Аркадий, ты там не с книгами споришь?

Вадим стоял в дверях, прислонившись к косяку, и выглядел непривычно расслабленным. В его глазах читалось что-то новое — не насмешка, а скорее... интерес.

— Да, — буркнул Аркадий, не оборачиваясь. — И они побеждают.

Вадим хмыкнул и прошёл внутрь. Его взгляд скользнул по полкам, задержался на стопке книг с подозрительно жизне-

радостными обложками.

— Знаешь, — сказал он неожиданно мягко, — в жизни и так хватает драм. Может, иногда можно и про пекарни почитать.

— Ты серьёзно? — фыркнул Аркадий. — Ты, человек, который на переговорах улыбается так, что клиенты начинают проверять свои кошельки?

— Именно поэтому, — парировал Вадим. — Я знаю, когда улыбка — оружие. А тут... тут она просто улыбка. Без подвоха.

Аркадий хотел было возразить, но в этот момент ещё одна книга выпорхнула из стеллажа и приземлилась ему на плечо, как дрессированная птица. «Анна Каренина», но с пометкой на обложке: «Счастливый финал. Все живы. Все всё поняли».

— Нет, — твёрдо сказал Аркадий. — Нет.

Но книга не слушала. Она сама раскрылась на странице, где Анна не бросалась под поезд, а открывала школу танцев, и Вронский помогал ей с бухгалтерией, и Левин наконец-то научился не переживать по пустякам.

— Это абсурд, — прошептал Аркадий, чувствуя, как уголки губ сами собой ползут вверх. — Это... это нарушение всех законов литературы.

— Зато соблюдение закона хорошего настроения, — заметил Вадим, беря с полки какую-то потрёпанную книжку и бегло просматривая аннотацию. — Слушай, тут «Преступ-

ление и наказание», но Раскольников вместо топора берёт в руки метлу и открывает клининговую компанию. И все довольны. Даже старуха-процентщица стала его клиенткой.

И тут Аркадий рассмеялся. Не громко, не восторженно — но искренне. Так, как смеются, когда понимают, что сопротивляться бесполезно, да и не хочется.

— Ладно, — сдался он, опуская плечи. — Пусть будет пекарня. Пусть будет школа танцев. Пусть даже Раскольников моет полы. Но только сегодня.

Вадим улыбнулся — не своей привычной «переговорной» улыбкой, а настоящей, тёплой.

— Договорились, — кивнул он. — Сегодня — хеппи-энд.

Тем временем Жора, который до этого тихо сидел в углу и пытался читать «Мёртвые души» с надеждой на хоть какую-то серьёзность, вдруг обнаружил, что страницы сами переворачиваются, пока не остановились на фрагменте, где Чичиков не скупает мёртвые души, а открывает агентство знакомств для одиноких помещиков — и неожиданно добивается успеха.

— Эй, — возмутился Жора. — А мне можно что-нибудь... ну, хотя бы с интригой?

Но портрет над камином подмигнул ему и тихо прошептал:

— Интрига — это когда не знаешь, кто первым рассмеётся.

И в этот момент все трое — Вадим, Аркадий и Жора —

рассмеялись. Не над чем-то конкретным, а просто потому, что смех вдруг стал единственным возможным ответом на всё это безумие.

Позже, когда вечер опустился на дом, Аркадий попытался спрятать в пиджак томик Достоевского — настоящий, без пекарен и счастливых финалов. Он думал, что хотя бы ночью сможет почитать что-то... настоящее.

Утром он нашёл эту книгу на кухонном столе. С закладкой на странице, где все всё простили. Даже те, кто, казалось, не умел прощать.

Дом не сдавался. Он не хотел трагедий. Он хотел, чтобы в этих стенах звучал смех — даже если сначала он был неловким, даже если его прятали за кашлем, даже если его называли «аллергией на оптимизм».

И, возможно, именно в этом и был главный замысел дядюшки Пантелеймона: не просто оставить наследство, а оставить после себя место, где даже самые упрямые сердца учились снова улыбаться — пусть и через сопротивление, пусть и через ворчание, но учились.

А библиотека, тихо шелестя страницами, ждала следующего читателя. И уже знала, какую книгу подсунуть ему первой.

Глава 4. Война за восточное крыло

Делёж «Улыбающегося Флюгера» начался не с криков, а с чертежа. Вадим, привыкший раскладывать жизнь на гра-

фики и проценты, разложил на чердаке потрёпанную карту дома — такую старую, что границы комнат на ней дрожали, будто сами не верили в собственную достоверность. В руке он сжимал циркуль, как оружие, и смотрел на братьев так, будто они были не родственниками, а проблемными заёмщиками.

— Всё должно быть по плану, — твёрдо заявил он. — Восточное крыло — это лицо дома. Там окна на главную улицу, там свет, там... потенциал.

— Потенциал? — фыркнул Аркадий, скрестив руки. — Ты хочешь продать вид из окна?

— Я хочу его использовать, — парировал Вадим. — У меня есть идея про коворкинг для тех, кто не верит в кредиты.

— То есть ты хочешь превратить наследство в бизнес-проект? — процедил Аркадий.

— А ты хочешь превратить его в кружок по развитию токсичности? — не остался в долгу Вадим.

Жора, сидевший на краю старого сундука и нервно теребивший пуговицу пиджака, вздохнул:

— Может, просто бросим монетку?

— Монетка — это хаос, — отрезал Вадим. — Хаос — это риск. Риск — это убытки.

— Убытки? — хохотнул Аркадий. — Мы ещё даже не начали жить здесь, а ты уже считаешь убытки!

— Я всегда считаю, — спокойно ответил Вадим. — Это моя суперсила.

Они спорили, чертили, спорили снова, пока чердак не наполнился запахом пыли, напряжения и слегка перегретого оптимизма, который дом упорно накачивал в воздух. В какой-то момент даже паутина в углу, казалось, закатила глаза и подумала: «Ну сколько можно?»

В итоге решили: каждая комната — по жребию. Вадим вытянул бумажку с надписью «Восточное крыло, главный зал». Его лицо на секунду озарилось триумфом — таким ярким, что даже пылинки в воздухе замерли от восторга.

— Наконец-то, — пробормотал он, словно выиграл не комнату, а целую вселенную. — Теперь у меня будет пространство для манёвра.

Аркадий вытянул «Северную галерею» — место, где, по слухам, даже летом было прохладно до озноба.

— Отлично, — буркнул он. — Буду замораживать проблемы.

А Жора получил «Комнату с секретом» — загадочное помещение, о котором никто ничего не знал, потому что дверь туда то появлялась, то исчезала.

— Ну, хоть честно, — вздохнул он. — Незнестность я как-нибудь переживу.

Но дом, видимо, не был согласен с таким распределением.

Утром Вадим первым делом направился в своё «захваченное» восточное крыло. Он шёл с гордо поднятой головой, с табличкой «Кабинет В. П.» в руках и с намерением повесить её так, чтобы даже флюгер на крыше понял: здесь теперь се-

рьёзный бизнес.

Он подошёл к двери, поднял табличку, примерился... и замер.

Табличка теперь гласила: «Кабинет В. Ж. П. А.». Три инициала. Одна дверь.

Вадим моргнул. Потрогал буквы. Они были настоящими, выпуклыми, намертво закреплёнными.

— Это... — начал он, но не нашёл слов.

Из-за угла выглянул Жора, увидел табличку и расплылся в улыбке:

— О, теперь это наш общий кабинет! Как мило.

— Не наш, — процедил Вадим. — Мой.

— Но буквы говорят другое, — возразил Жора. — Буквы не врут.

— Буквы... — Вадим сжал кулаки. — Буквы явно сговорились с домом.

Тем временем Аркадий, решивший проверить свою «Северную галерею», обнаружил, что дверь, которая вчера вела в его владения, сегодня открывалась... прямо в спальню Вадима. На кровати мирно лежал Вадимский плед, на тумбочке — чашка с надписью «Лучший брат (спорный титул)».

Аркадий медленно закрыл дверь. Открыл снова. Результат тот же.

— Дом шутит, — пробормотал он. — Дом явно шутит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.